

Вань Яо после возвращения во дворец словно растворилась в воздухе: вот уже больше десяти дней она ни разу не переступила порог дома генерала.

В тот день, когда она ушла, птица-белоглазка под крылом галереи сломала крыло. Капли крови, брызнувшие на синие каменные плиты, напоминали внезапно увядшую красную сливу. Слуги в поместье Линь при ходьбе едва касались пола, боясь нарушить эту мертвую тишину. Когда Вань Яо была здесь, она любила дразнить птицу, и стоило ей пройти по галерее, взмахнув подолом черного шелкового платья, как ее смех оживлял весь сад. Теперь же клетка пустовала, и даже ветер, пролетая по коридорам, издавал лишь гулкое, пустое эхо.

Дни тянулись один за другим. Синие плиты дорожек в поместье Линь то покрывались пылью, то вновь очищались, но тонкий налет серости словно въелся в камень навсегда. Фонари под крышей меняли один за другим, но свет новых шелковых лампадок лишь подчеркивал глубокие тени в углах. Линь Юньфэн ежедневно следовал рецептам, принимал отвары и проходил сеансы иглоукалывания. Ноги постепенно обретали чувствительность, и иногда он мог постоять пару мгновений, опираясь на край стола, но необъяснимая пустота внутри с каждым днем становилась все тяжелее, подобно приливу.

Он часто сидел у окна, глядя в сторону дворцовых стен. Глазуванная черепица холодно поблескивала на солнце, словно разделяя небо и землю, проводя черту между ним и женщиной, называвшей себя небожительницей. Те семь ночей близости казались абсурдным сном: в нем она сжимала его подбородок для поцелуя, и жемчужина на ее шпильке царапала ему кадык; в нем ее пальцы скользили по старому шраму на его пояснице, заставляя его спину напрячься до боли; в нем за пологом балдахина уголки ее глаз алели, словно растертые в пыль лучи заката...

И теперь эти сцены без предупреждения всплывали перед глазами, заставляя врасплох.

Линь Юньфэн смотрел на чашу с лекарством, чувствуя, как кончики пальцев все еще хранят жар керамики, но в голове внезапно прогремело: вот Вань Яо прильнула к его плечу, тяжело дыша, и влажные от пота пряди волос прилипли к ее шее; вот он сжимает ее запястья, впиваясь пальцами в нежную кожу; вот она кусает его за ключицу, и он судорожно втягивает воздух, смешанный с ароматом трав, исходящим от ее волос — все это казалось настолько четким, словно случилось только вчера.

Эта картина была до того неловкой и постыдной, что он с силой сжал кулаки, до побелевших костяшек. Цикады за окном зашлись в пронзительном крике, пар от лекарства застилал взор, и время, казалось, замерло. Он все еще чувствовал прохладу ее ладоней на своей вспотевшей груди — словно горный ручей омыл раскаленный камень, заставляя тело дрожать.

— Генерал, пора менять повязку, — Линь Цзянь вошел с аптечкой и увидел, что господин стоит спиной к двери у окна, а полы его черного парчового халата натянуты, как тетива лука.

Линь Юньфэн не обернулся, лишь поднял руку и потер горячее ухо:

— Оставь здесь.

Лишь месяц спустя, когда Линь Цзянь силой заставил его позволить лекарю Линь Шидуну проверить пульс, реакция врача заставила его осознать: сон был явью.

Пальцы Линь Шидуна легли на запястье, и он привычно забормотал:

— Генерал, вы просто слишком много думаете, ну откуда здесь... — Он осекся на полуслове, словно кто-то сдавил ему горло. Рука, державшая подушечку для пульса, задрожала, глаза вылезли из орбит, а седая щетина на подбородке затряслась вместе с прерывистым дыханием: — Пульс... пульс скользкий, словно жемчужины на блюде... Генерал, вы... вы в положении!

Действительно беременен?!

В голове Линь Юньфэна загудело, кровь ударила в виски. Он машинально коснулся живота. Тот оставался плоским, но под слоем одежды он отчетливо ощутил слабое биение, словно семечко, зарытое в землю, начало пробивать твердую оболочку.

Чаша с лекарством с грохотом упала на пол, коричневая жидкость брызнула на сапоги, распространяя горький запах. Линь Юньфэн смотрел на свои руки — они все еще дрожали. Эти руки держали меч, разили врагов, а теперь им предстояло оберегать маленькую жизнь, чудо, выросшее из того абсурдного сна.

Ветер за галереей подхватил опавшие листья и пронесся мимо оконной решетки. Линь Юньфэн внезапно вспомнил взгляд Вань Яо перед уходом — ясный, как закаленный клинок. Оказывается, ее слова о том, что семя уже принялось, не были шуткой. Оказывается, те жаркие и постыдные ночи действительно посадили семечко в его теле.

Он, опираясь на край стола, медленно опустился на стул. Внизу живота пробежал легкий трепет, словно маленькая рыбка пустила пузырек в воде. В этот раз Линь Юньфэн не отстранился, а бережно накрыл это место ладонью. Кожа под пальцами была теплой, и сквозь плоть он словно коснулся сердца той крохотной жизни, которая в этот миг билась в унисон с его собственным.

Линь Шидун вырос в семье Линь, был братом, с которым они делили жизнь и смерть. О том, что знали Черные волки, он был осведомлен, но до сих пор лишь насмешливо фыркал, считая это игрой императрицы по установлению контроля над армией. Но сейчас он был ошеломлен. Схватив Линь Юньфэна за плечи, он забормотал бессвязно:

— И правда беременны? Но как мужчина может родить? Да и... откуда? Госпожа небожительница ничего не объяснила!

Его паника передалась и остальным. Черные волки, знавшие правду, пришли в полное замешательство и, потеряв голову, едва не ворвались ночью во дворец. Хорошо, что Вань Яо заранее отодвинула дворцовую стражу подальше, иначе об этом узнал бы весь город.

Выслушав доклад, Вань Яо лишь равнодушно велела:

— Просто пусть хорошо питается. Замените прежние лекарства на мягкие травяные отвары. Особого ухода не требуется, разве что после родов несколько месяцев не сможет сдерживать позывы в туалет.

Черные волки переглянулись. Они вернулись в поместье, неся в сердцах эти легкомысленные слова, но, глядя на округлившийся живот генерала, так и не смогли обрести покой.

Прошло три месяца. Вань Яо наскучило сидеть во дворце. Алые стены замыкали небо в квадрат, евнухи и служанки ходили на цыпочках, и даже ветер казался застойным. Как раз в это время старый император слег с простудой, и Вань Яо, хитро прищурившись, под предлогом молитвы о здравии государя решила выбраться из дворца.

Процедура была утомительной: министерство ритуалов составило три плана, Управление астрономии выбрало благоприятный час, а сопровождающие стражники и няньки заполнили весь двор. Но поскольку цель была благородной, указ подписали к полудню. Старый император, лежа на ложе, слушал, как евнух читает прошение, и, услышав, что она берет с собой лишь пожилых нянек, а не новых юных наложниц, на его иссохшем лице промелькнула теплота:

— Императрица проявила заботу.

Он и не подозревал, что Вань Яо просто не любила болтливых девиц, предпочитая степенных старух, которые хотя бы не станут расспрашивать, почему она по ночам ускользает из покоев.

Как только Вань Яо покинула дворец, Линь Юньфэн тоже начал действовать. Опираясь на новую деревянную трость, он трижды обошел двор, посмотрел на птицу-белоглазку, чье крыло давно зажило, но которая больше не желала петь, и сказал Линь Цзяню:

— Собирай вещи. Едем в деревню у подножия храма Линъянь.

Линь Шидун, входивший с отваром для сохранения беременности, от неожиданности вздрогнул, и жидкость чуть не пролилась на рецепт:

— Генерал, сейчас перемещаться, пожалуй, не стоит...

— Все в порядке, — Линь Юньфэн коснулся живота, который уже заметно округлился, словно он спрятал там круглую сливу. — С ней рядом будет спокойнее.

Он впервые в жизни ждал ребенка, и слова в медицинских книгах лишь пугали его. Только рядом с Вань Яо, слушая ее небылицы о мире совершенствующихся, он чувствовал, что его встревоженное сердце обретает покой.

Три дня спустя в деревне Абрикосового цвета у подножия храма Линъянь появилось семейство Линь. Небольшой дворик, обнесенный глиняной стеной с черепичной крышей, старое кривое абрикосовое дерево, на ветвях которого зрели твердые зеленые плоды. Линь Юньфэн в простом хлопковом халате сидел на галерее, подставив лицо солнцу. Линь Шидун варил лекарство на

кухне — аромат трав вперемешку с запахом земли казался куда более успокаивающим, чем благовония в доме генерала.

Вань Яо жила в келье на склоне горы. Каждое утро, наслушавшись храмовых колоколов, она спускалась вниз с корзинкой. То в ней был свежеприготовленный суп из семян лотоса, то недостающая страница из медицинского трактата, а в волосах застревал аромат кипарисов из храмового сада.

Она любила сидеть рядом и учить его распознавать травы.

— Это перилла, она помогает при беременности. Добавь пару листочков в рыбу, чтобы перебить запах, — она поднесла фиолетовый лист к его носу и рассмеялась, увидев, как он невольно отпрянул. — Неужели генерал Линь чего-то боится?

<http://bllate.org/book/18849/1837697>